

СТАТЬИ

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V.G. LAZARENKO

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АХИЛЛА НА БОСПОРЕ

THE ORIGINS AND FEATURES OF THE CULT OF ACHILLES ON THE BOSPORUS

В ряде наших предыдущих работ мы рассмотрели различные мнения, связанные с особенностями культа Ахилла на Боспоре, и в определенной мере обосновали свое суждение по данной проблеме [Лазаренко, 2018; 2019; 2022a]. Однако она до настоящего времени всё еще далека от разрешения. Это связано, прежде всего, с ограниченным кругом прямых свидетельств отправления культа Ахилла на Боспоре, а также малой изученностью истоков и особенностей культа Ахилла в данном регионе. В частности, не обобщены данные относительно культа змей в Восточном Крыму в доколониальный период, что необходимо, поскольку древнейшая и тесная связь образа Ахилла со змеями сегодня не вызывает сомнений¹. Также нуждаются в доработке вопросы символических образов Ахилла и скрытого характера его культа на Боспоре. Всему этому и посвящено настоящее исследование, в которое включены археологические памятники не только непосредственно Боспора, но также Центрального и Южного Крыма (степного, предгорного и горного) из местностей, располагающихся восточнее Симферопольского района². При отсутствии реалистических изображений змей, для отнесения того или иного артефакта к «змеиной» тематике мы руководствовались следующим. При рассмотрении орнаментов и валиков керамических сосудов эпохи бронзы учитывалось давно утвердившееся мнение, что ряд орнаментов (волнистая линия или зигзаг) с глубокой древности обозначали змею [Голан, 1993, с. 81], как и меандр, который является усложненным зигзагом. Валики

¹Нами показано, что культ змей непрерывно существовал в Северном Причерноморье в IV–I тысячелетиях до н. э., попав туда из Балкано-Дунайского региона, то есть с территории прафракийских племен. Затем он распространился в ходе самых ранних индоевропейских миграций (что означает, с точки зрения палеогенетики, миграций носителей арийской гаплогруппы R1a) от Дунайско-Карпатского региона по всему Северному Причерноморью, что послужило основой формирования здесь, в частности, первичных индоевропейских представлений об Áhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке) – возможном прообразе Ахилла [Лазаренко, 2016; 2018a].

²Данные, в контексте генезиса и особенностей культа Ахилла в Западном Крыму, об археологических памятниках Западного, а также Центрального и Южного Крыма (степного, предгорного и горного) из местностей, которые связаны реками с Западным Крымом и находятся не восточнее Симферопольского района, включены нами в предыдущее исследование [Лазаренко, 2022].

же интерпретировались в контексте предложенной А.В. Кияшко концепции «создания змеи», а также представлений о том, что «основная вертикальная композиция на сосудах делает их моделью Мирового Древа, а горизонтальный валик есть не что иное, как образ Змея, располагающегося у его корней»³ [Кияшко, 2011].

В отличие от Центрального и Западного Крыма, его восточная часть археологически менее изучена. Например, в Юго-Восточном Крыму⁴ количество выявленных и обследованных курганов к 2010 году достигло 600, однако археологическому изучению к этому времени подверглось всего 20 курганов. Почти все обследованные в регионе курганы носят следы попыток ограбления с целью поиска древних раритетов и последующей их продажи [Гаврилов, 2010, с. 267–268, 278]. Тем не менее даже в таких условиях удалось установить ряд закономерностей поэтапного заселения этого региона.

Происходившие в степном Причерноморье этнокультурные изменения после распада индоевропейской общности приводили к оттоку или вытеснению части населения в Крым, где новоприбывшие племена в отдельных микрорайонах частично как бы консервировались в своем развитии или порождали новые образования вследствие различного рода взаимоотношений с проживающим здесь населением. Так, часть носителей культуры ингульского типа в благоприятных для обитания местах переходила к полуседлому образу жизни. На этой основе и получают развитие памятники каменско-планерской культуры. Преимущественно в степной зоне продолжает обитать и население собственно бабинской культуры со свойственным ему обрядом захоронения (скорченно на боку). Этот посткатакомбный период характеризуется сосуществованием различных культурных образований. При этом не исключено переселение определенных групп и далее на восток и освоение благоприятных для обитания местностей. Дальнейшее развитие носителей различных культур культурно-исторической общности многовазиковой керамики связано с сабагиновским населением, которое в разных частях

³То, что «змеевидные» валики или орнаменты располагались, как правило, в верхней части сосудов, не должно смущать, поскольку очень часты случаи постановки таких сосудов в погребениях в положении «вверх дном». Тогда валик-«змея» или змееподобный орнамент оказывался внизу Мирового дерева, которое при погребении символизировало данный сосуд. Кроме того, ряд исследователей, в т. ч. В.В. Отрошенко, неоднократно указывал в отношении орнамента керамических сосудов эпохи бронзы, что «ярусное размещение знаков в сложных композициях отвечало представлениям людей эпохи бронзы относительно тройничной структуры устройства мира с подземной, наземной и небесной сферами» [Отрошенко, 2004]. Эти представления восходят к эпохе индоевропейской общности в Северном Причерноморье.

⁴Юго-Восточный Крым ограничен следующими географическими рамками: Акмонайский перешеек (отделяет Крымский полуостров от Керченского) – на востоке; река Мокрый Индол – на западе; побережье Сиваша – на севере; склоны северной гряды Крымских гор и горная зона этой части полуострова вплоть до Черного моря – на юге. В литературе эту территорию принято называть Западным Боспором. Где-то здесь проходила условная граница между скифскими владениями и хорой Феодосии, а с IV в. до н. э. эта территория входила в состав античного государства Боспор [Гаврилов, 2010, с. 261].

полуострова на раннем этапе соседствовало со срубными племенами (бережновско-маевская культура). В более позднее белозерское время вследствие климатических изменений значительный массив продолжал обитать в предгорном и горном районах, где в дальнейшем получила развитие кизил-кобинская культура. Территория Крыма рассматривается как регион, в котором развитие племен с конца эпохи ранней бронзы протекало в более замедленном темпе, чему в значительной мере способствовали физико-географические условия этого региона [Тошев, 2007, с. 207]. Некоторые подкурганные погребения относятся к срубной культуре, а курганы Предгорной степи Крыма (Кировский район, Феодосийская административная зона) чаще содержат погребения кеми-обинской культуры в качестве как основных, так и впускных. Курганные могильники наряду с античной поселенческой структурой свидетельствуют, что степную и предгорную части региона на протяжении последней четверти VI – первой трети III в. до н.э. населяли скифы. В это же время здесь формируется и проживает смешанное тавро-скифское эллинизированное население. Из 600 здешних курганов 140 имеют погребения античной эпохи, а расположение части курганов и курганных могильников поблизости от известных античных населенных пунктов, несомненно, указывает на заселенность этой территории варварским населением. Материалы ряда курганов хорошо иллюстрируют появление и проживание сарматов в Юго-Восточном Крыму в I в. до н. э. – II в. н. э. [Гаврилов, 2010, с. 271, 273, 276–277].

Практически все носители разных культур оставили в Восточном Крыму следы культа змей. Едва ли не первый известный хронологически артефакт этого плана здесь – сложный орнамент, сформированный из нескольких зигзагов, на трех из четырех стенок ящика кеми-обинского погребения 2 кургана 2 у села Пионерское (примерно на 15 км к юго-востоку от Симферополя) с внутренней стороны имеется. Рисунок выполнен красной краской на черном фоне. Вдоль красных линий расположены точки, нанесенные белой краской [Колтухов, Тошев, 1998, с. 19, 159, рис. 9, 2; 53, 2]. Находки змеевидных сюжетов на керамических сосудах начинаются с подкурганных погребений катакомбной культуры. Орнамент, который можно классифицировать как змеевидный, достаточно редок на керамике раннего и среднего этапов появления катакомбной культуры в Восточном Крыму. Можно привести только два примера: заштрихованные треугольники вершиной книзу на сосуде из Акимовки (Нижнегорский район, Присивашье) 7/4, а также орнамент на сосуде из насыпи кургана 14 около Рюмшино (Присивашье Джанкойского района) [Копьева, 2015, рис. 1, 2; 4, 12]. Гораздо чаще такой орнамент выявляется при изучении материалов позднего этапа из погребений скорченного обряда. Так, змеевидный орнамент, в том числе зигзаг и тройной зигзаг, отмечены на керамике из погребения 14 кургана Приречное 1982⁵, из погребений курганов Рюмшино

⁵В Нижнегорском районе, недалеко от залива Сиваш и Арабатской стрелки.

6/1, Болотного 15/15, Целинного 6/10, Червоного⁶ 5/32 [Копьева, 2015, рис. 6, 5, 8, 9, 13; 8, 8]. На керамике позднего этапа катакомбной культуры из ингульских погребений змеевидный орнамент имеет место среди инвентаря погребений курганов Целинного 5/5, Целинного 6/9, Рюмшино 2/8, Рюмшино 2/11, Рюмшино 4/7, Рюмшино 14/3 [Копьева, 2015, рис. 10, 2-3, 7-9, 20].

В погребении 11 кургана 1 у села Пионерское (на юго-восток от Симферополя, на отроге горы, возвышающейся с юго-востока над долиной реки Салгир, на территории греческого поселка Понтос) найдена фрагментированная лепная чаша с орнаментом в виде двойного зигзага ниже венчика [Колтухов, Тощев, 1998, с. 13, рис. 6, 2]. Орнамент в виде непропорционального двойного зигзага имеет лепной сосуд бронзового века, происходящий из насыпи кургана 3 этой же группы курганов [Колтухов, Тощев, 1998, с. 25, рис. 12, 7]. В контексте нашего исследования важны направления культурных связей в разные периоды катакомбного времени в Крыму. Т.А. Копьева выявила следующее: на раннем этапе ее появления здесь выделена керамика, подтверждающая интенсивный характер культурных связей с территорией Нижнего Дона и степного Предкавказья. Средний этап характеризуется керамикой, свидетельствующей о продвижении и заселении полуострова племенами днепро-азовской культуры, связи поддерживаются с районами Нижнего Подонья и Северного Причерноморья. На позднем этапе Крым осваивают племена ингульской культуры, об этом свидетельствует соответствующая керамика. Одновременно с ней продолжает развиваться поздняя культурная группа скорченного обряда, имеет место преемственность с днепро-азовской культурой. При этом очевидно последовательное освоение катакомбными племенами зоны периферии, где вплоть до позднего этапа прослеживается керамика местной традиции. В то время степные районы Присивашья представляли территорию наиболее интенсивных контактов [Копьева, 2015, с. 17]. Отметим, что наиболее часто змеевидный орнамент встречается на катакомбных памятниках скорченного обряда погребения⁷.

На Керченском полуострове погребальные катакомбные памятники фактически отсутствуют, эту территорию отчасти синхронно во времени занимала каменная культура Восточного Крыма (ККБК), датируемая XVIII–XV вв. до н. э. [Кислый, 2005]. Она выделяется достаточной своеобразием среди круга культур эпохи

⁶Все эти курганы расположены в Присивашье: Болотное и Целинное – в Джанкойском районе, а Червоное – в Нижнегорском районе Крыма.

⁷Скорченный обряд погребения с большой вероятностью означает, что в таких случаях мы имеем дело с носителями арийской (индоарийской) гаплогруппы R1a, для которой характерно именно такое положение усопших в могиле. Это впервые установлено при исследовании захоронений культуры шнуровой керамики в Эйлау [Naak et al., 2008] и затем неоднократно подтверждено. Важность этого обоснована тем, что именно арии составляли основу индоевропейской общности в Северном Причерноморье, а после ухода их основных масс на восток и юг на рубеже III и II тысячелетий до н. э. оставшаяся часть существовала до исторического времени, была одновременной греческим колониям и представляла собой реликтовых ариев (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты) [Трубачев, 1999, с. 99–102].

бронзы степей Северного Причерноморья. ККВК имеет черты катакомбной культуры, культуры многоваликовой керамики, традиции давние, энеолитические и новые, срубно-сабастиновского времени⁸. Основные памятники каменной культуры размещены достаточно компактно в восточных и юго-восточных районах Крымского полуострова [Кислый, 2012, с. 200]. Эпонимное поселение данной культуры – Каменка на восточной окраине г. Керчи реконструируется А.Е. Кислым как поселение земледельцев, скотоводов, рыбаков и перевозчиков через пролив, представляя собой перевалочный пункт на древнейшем пути из Северного Причерноморья на Кавказ и Ближний Восток [Кислый, 2011, с. 189-190]. Лепные горшки ККВК украшены традиционными для степных культур узорами и наlepными валиками. Среди них много таких, которые можно трактовать как змеевидные: валики на венчиках сосудов [Кислый, 2011, рис. 1, 6–12], орнамент и валики на шейке [Кислый, 2011, рис. 1, 21, 25, 26, 35] и на плечах сосудов [Кислый, 2011, рис. 1, 47–50, 61, 64, 72, 78, 80–90, 92]. Поселение Планерское-I наряду с Каменкой на сегодня является одним из наиболее ярких памятников данной культуры. Здесь⁹ обнаружено немало разновидностей змеевидных орнаментов и валиков на керамике: валики на венчиках [Кислый, 2011, рис. 2, 1–8] и на шейке сосудов [Кислый, 2011, рис. 2, 11, 12], орнамент и валики на тулове сосудов [Кислый, 2011, рис. 2, 21, 33-43, 48, 53, 59, 60]. В.А. Колотухин указывает, что Планерское в целом находит ближайшие аналогии на Каменке и существует ряд параллелей в орнаментации керамики с катакомбными погребениями степного Крыма [Колотухин, 1983]. Исследования еще одного поселения ККВК – Коктебель также привели к обнаружению ряда змеевидных сюжетов на лепных горшках [Кислый, Ислямов, 2013, рис. 3, 3-5, 6, 11, 13-15; рис. 4, 8, 12, 13], как и на других поселениях ККВК. Это известно достаточно давно. Например, керамические материалы поселения Киммерик-I на западном склоне горы Опук¹⁰ имеют прямые аналогии с сосудами из катакомбных погребений, открытых В. А. Городцовым [Городцов,

⁸В связи с этим нельзя пренебречь мнением Г.Н. Тощева, который считает: «Одна каменная культура уже давно известна в среде специалистов. Это культура раннего железного века (V – I вв. до н.э.) в лесостепном Алтае, выделена еще в 1980 г. Несмотря на территориальную и хронологическую удаленность, во избежание путаницы считаем возможным применительно к рассматриваемой группе памятников применять название «каменно-планерская культура», которая характеризуется как поселениями, так и погребениями, и рассматривать ее в рамках посткатакомбной культурно-исторической общности многоваликовой керамики среднего периода эпохи бронзы» [Тошев, 2007, с. 170-171].

⁹Это не приморское поселение, оно находится фактически на границе зоны степей и юго-восточных отрогов главной гряды Крымских гор, также у древней дороги, идущей от нескольких приморских поселений, что располагались по Черноморскому побережью юго-западнее и восточнее, через удобные проходы между холмами, а затем долинами к Азовскому побережью. Здесь, у Азовского побережья (район с. Красновка, устье р. Чурюк-Су и др.), перекрещивались пути с юга, востока и Центрального Крыма, и далее дорога вела вдоль низовий Азовского побережья на северо-запад к выходу из Крыма [Кислый, 2016, с. 279-280].

¹⁰Гора Опук расположена на одноименном мысе, расположенном на Черноморском побережье Керченского полуострова, в Ленинском районе Крыма, недалеко от села Яковенково.

1905] в курганах на Харьковщине. Но наряду с ними обнаружены фрагменты керамики более позднего времени, многие из которых имеют валики и орнаменты, которые могут быть определены как змеевидные. Характер орнаментации значительной группы керамики из поселения Киммерик-I свидетельствует о том, что его обитателей следует связывать с племенами катакомбной культуры, традиции которой они долго сохраняли. Но ряд фактов заставляют отнести время существования данного поселения не к расцвету катакомбной культуры, а к периоду ее упадка, когда в Крым пришли уже другие племена – носители срубной культуры, которую восприняло жившее там ранее население. Аналогичную картину дает поселение на восточной стороне горы Опук – Киммерик-II (у пгт Щебетовка, между Судаком и Феодосией) [Кругликова, 1955, с. 76–82, рис. 2, 1, 2, 8, 11–18, 22, 24; 3, 1–5, 15–19; 5, 2, 4, 5, 6, 8;]. Близкий материал, в т. ч. змеевидные валики и орнаменты, обнаружен также в слоях поселения Планерское-I (Коктебель), расположенного к востоку от Щебетовки, и на поселении у Сазоновки, вблизи дороги Керчь–Феодосия [Кругликова, 1955, с. 82–83, 88, рис. 6, 7; Тошев, 2007, рис. 56, 11–12; 81–82; 97, 4–6, 8–9]. И.Т. Кругликова считала, что поселения Киммерика, Щебетовки, Планерского-I возникли на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и продолжали существовать в первые века I тысячелетия до н.э., а их обитателей полагала киммерийцами [Кругликова, 1955, с. 90]. На поселении Городище 11 км, расположенном в 15 км к западу от г. Керчь, наиболее ранние слои соотносятся с эпохой средней бронзы, следующий период связан с эллинистическим временем, а наиболее мощными напластованиями, а также остатками строительных комплексов, характеризуются слои римского времени¹¹. Материалы эпохи бронзы, представленные, в частности, четырьмя захоронениями, совершенными скорченно на правом и левом боку, соотнесены с каменной культурой Восточного Крыма. Керамический материал этого времени представлен фрагментами стенок и венчиков лепных сосудов, многие с орнаментом [Свиридов и соавт., 2018, с. 324, 326, рис. 4], часть которого можно отнести к змеевидному.

Картографирование памятников каменной культуры показывает, что их общая пространственная планиграфия диаметрально противоположна традиционным центрам жизнедеятельности собственно катакомбного населения или населения переходного периода — культуры многоваликовой керамики (КМК, бабинская культура) в Крыму, обширным по размерам степным северным, северо-западным и центральным его пространствам. Так, позднебронзовые срубно-сабатиновские поселения по сравнению с известными и большими поселениями – Каменкой, Планерским очень маленькие и невыразительные. Зато в степной части полуострова белозерское поселение Кировское совсем большое, но каменные же поселения, как правило, бедные. При этом именно поселения каменского типа чаще всего оказывались полностью

¹¹Расцвет поселения Городище 11 км связан с экономическим подъемом Боспорского царства и усилением римского влияния в регионе в I в. н. э. Это поселение является одним из ключевых археологических памятников начала I тыс. н. э. на Керченском полуострове [Свиридов и соавт., 2018, с. 333].

разрушенными античными городами и усадьбами, что подтверждается находками – в подавляющем большинстве находки ранних эпох из античных поселений датируются первой половиной – серединой II тыс. до н. э. и в редких случаях – концом бронзового века [Кислый, 2012, с. 200, 205]. А.Е. Кислый считает: «Безусловно, нельзя ни переоценивать, ни недооценивать значение каменной культуры Восточного Крыма в познании процессов, происходивших здесь в первой половине II тыс. до н. э.». И это, безусловно, справедливо. Но специалист сразу же продолжает: «Очевидно, некоторые ведущие поселения каменной культуры, и особенно поселение Каменка, выполняли свою отличительную и важную функцию в миграции степняков-индоевропейцев. Проходы на Крымский п-ов с севера были более просты и обширны, Боспор Киммерийский был более мелок, этот путь был более свободен, а главное, здесь проживало население, близкое по этнолингвистическим и культурным характеристикам [Кислый, 2012, с. 216]. Последнее утверждение означает, что каменное население изначально было индоевропейским, возможно, оставшимся в Восточном Крыму малыми группами в более ранние волны миграций конца III – начале II тыс. до н. э. в длительном процессе распада индоевропейской общности в степном Северном Причерноморье. Это в определенной мере подтверждается, например, захоронением (которое относится к раннему этапу каменной культуры Восточного Крыма), где погребенный находился в скорченном положении на левом боку. Это погребение № 9 кургана 2 курганной группы Ак-Монайская-I, расположенной на территории Батальненского сельского поселения Ленинского р-на Крыма. В этом же погребении найден кубкообразный сосуд, орнаментированный в средней части тулова горизонтальным зигзагом, выполненным прочерчиванием тройными параллельными линиями [Бейлин, Рукавишникова, 2018, рис. 15]. Известно, что такой орнамент в ранней индоевропейской традиции символизировал не только образ Мирового змея, но и трехуровневое строение мира.

Однако ключевая роль каменной культуры в эпических миграционных процессах не подтверждается тем, что на несколько более ранний период, середину III – начала II тысячелетия до н.э. приходится весьма активное освоение Таманского полуострова, которое связано с представителями племен катакомбной культуры. Само размещение ее памятников на этой территории свидетельствует о проникновении носителей данной культуры в самые отдаленные уголки региона, от крайней северной точки у поселка Приазовский до Черноморского побережья у поселков Артюшенко и Веселовка. Эпоха средней бронзы оставила здесь много замечательных памятников. Обращает на себя внимание то, что основные подкурганые погребения этого времени были произведены по скорченному обряду. Это вполне очевидно свидетельствует о воплощении какой-то главной идеи погребального обряда, а также о значительном единстве религиозных представлений и консолидации древнего общества в эпоху средней бронзы; это заметно отличает ее от более раннего времени [Паромов, Гей, 2005, с. 323, 328–330]. Напомним, что именно в катакомбное время начался распад индоевро-

пейской общности, а скорченный обряд погребений с достаточной вероятностью «маркирует» носителей ранней индоевропейской гаплогруппы R1a.

В позднем бронзовом веке традиция змеевидных орнаментов и валиков на керамических сосудах не прерывается, оставаясь весьма представительной. Так, в могиле № 3 кургана № 1/1977 у села Чкалово (Нижнегорский район, недалеко от залива Сиваш) обнаружен глиняный сосуд с орнаментом в виде зигзага, выполненного как прямыми отрезками, так и точками [Колотухин, 2003, рис. 30, 15]. В могиле №9 (скорченное погребение горизонта культуры многоваликовой керамики) кургана № 5 у села Черноземное Советского района найден глиняный сосуд с орнаментом в виде тройного зигзага [Колотухин, 2003, рис. 33, 4]. При этом характерно, что в поздний бронзовый период в Крыму для подкурганых погребений наиболее характерны скорченные захоронения, а захоронения в вытянутом положении единичны [Колотухин, 2003, с. 20-21]. Плоский могильник Суучхан расположен на юго-востоке – востоке примерно в 30 км от Симферополя, на левой надпойменной террасе реки Суучхан; здесь все исследованные 25 захоронений позднебронзового века были в скорченном положении на боку. При раскопках данного могильника обнаружены четыре змеевидных бронзовых браслета из проволоки [Колотухин, 2003, с. 22, рис.65, 33–36]. При исследовании другого плоского могильника – у села Новокленово в Белогорском районе Крыма вскрыто 24 захоронения; все они совершены в скорченном положении на боку. Среди находок здесь выделяется один красноглиняный сосуд с тщательно залаженной поверхностью, орнаментация которого представлена, в частности, поясом в виде двойного зигзага на тулове, а также кубок со змеевидным валиком. В числе украшений обнаружены два литых ножных браслета с одним заостренным концом, а другим – утолщенным, которые вполне можно расценивать как змееподобные [Колотухин, 2003, с. 25–26, рис. 32, 5, 6, 11, 12]. Характерно, что керамика из рассмотренных плоских могильников аналогична происходящей из белозерских могильников Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья [Колотухин, 2003, с. 26], то есть относится к периоду поздней бронзы. При интерпретации этих находок следует учитывать заключение В.А. Колотухина: «Единственный устойчивый элемент погребального обряда населения Крыма, оставившего плоские могильники – это скорченное на боку¹² положение умерших» [Колотухин, 2003, с. 23]. Это же отмечено и для ряда подкурганых погребений. При исследовании кургана у села Желябовка Нижнегорского района, в степной части Крыма, в погребении 6 (скорченно на левом боку), относящемся к эпохе бронзы – раннему железному веку, обнаружены фрагменты заостренного с одной стороны бронзового браслета, который можно считать змеевидным [Гаврилов, Тошев, 1999, с. 160 – 162, рис. 3, 17]. В кургане Ивановка-1, расположенном на территории Багеровского сельского поселения Ленинского р-на, найден лепной сосуд, который может быть отнесен к периоду финальной бронзы с орнаментом в виде двойного зигзага [Меньшиков и соавт., 2018,

¹²См. ссылку 7.

рис. 9] и который трактуется как змеевидный. При раскопках поселения Луговое Северо-Западное-2 (предварительная датировка – эпоха поздней бронзы) в окрестностях села Луговое Ленинского р-на найдены фрагменты лепных горшков с валиками и орнаментом [Бонин и соавт., 2018, рис. 11], которые могут быть расценены как змеевидные. Показано, что население Тамани, оставившее памятники финала эпохи поздней бронзы с литейным производством, было оседлым и участвовало в генезисе протомеотов. На поселении Чиркова-1 выделяется небольшая группа протомеотской керамики, среди которой есть фрагменты со змеевидными валиками. Исследование комплексов Западного некрополя Гермонассы в 2012 г. показало, что все погребенные там лежали в скорченном положении [Иванов, Сударев 2013, с. 179, 181, 182, рис. 2]. Примечательно, что практически все исследования на Тамани памятников эпохи поздней бронзы (XVI–VIII вв. до н. э.) также фиксировали скорченное положение погребенных в курганах [Паромов, Гей, 2005, с. 332–333]. Памятники кизил-кобинской культуры Восточного Крыма не так богаты артефактами «змеиной» тематики, как в Западном и Центральном Крыму. Можно лишь отметить материалы поселения Тууш-3 (в окрестностях села Львовское Кировского р-на), которые позволяют проследить распространение данной культуры из предгорий в степную зону. Предварительная датировка данного поселения возможна в пределах от XII до VII в. до н. э., и здесь среди лепной посуды обнаружен ряд сосудов со змеевидными валиками [Кравченко, 2018, рис. 10, 12].

Таким образом, ко времени колонизации греками территорий Восточного Крыма и Азиатского Боспора здесь непрерывно, начиная с катакомбного времени, существовал культ змей, принесенный сюда в ходе ранних индоевропейских миграций после распада индоевропейской общности в степях Северного Причерноморья. И в период колонизации этот культ отправлялся «варварским» населением данных территорий. Об этом свидетельствует целый ряд находок. Так, в одном из женских подкурганных погребений скифского времени в могильнике у села Приречное¹³ среди прочего (в т. ч. бусин, датируемых V–IV вв. до н. э.) найден змеевидный бронзовый браслет (Колтухов, 2014, с. 57, рис. 9: 18). В погребении 39 кургана № 3 скифского могильника IV в. до н. э.¹⁴ найдены бронзовый проволочный браслет со змеиными головками на окончаниях, а также бронзовая подвеска с окончаниями в виде пирамидок [Колтухов, 2019, с. 69, 73, рис. 6, 7, 9], которые являются аналогом змеиных головок и обусловлены фракийским влиянием [Петренко, 1978, с. 26, 35]. Скифское время оставило целый ряд замечательных памятников культа змей. Так, в кургане 1 группы «Три брата» (IV в. до н. э.)¹⁵ в Восточном Крыму найдены два трехвит-

¹³В Нижнегорском районе Крыма, в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу, что в Присивашской степи, на северо-восток от Джанкоя.

¹⁴Данный могильник расположен в Крымском Приазовье у села Чистополье-Северное, в 7 км к востоку от берега Казантипского залива, несомненно, на территории, входившей в состав Боспорского царства.

¹⁵«Три брата» – курганный комплекс эллинизированной скифской знати в 20 км к юго-западу от г. Керчи, у села Огоньки.

ковых браслета (бронзовый и золотой) со стилизованными змеиными головками на обоих концах каждого из них [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 47, 13, 14]. На фрагменте золотой накладке на колчан V в. до н.э. из погребения в с. Ильичево (Советский район, Крымское Приазовье) имеется изображение змеи, тело которой завернуто в виде двух волют [Piotrovsky et al., 1986, pl. 70]. В женском погребении кургана Куль-Оба (от 400 до 350г. до н. э.), располагавшегося рядом с Керчью, обнаружена золотая гривна с зооморфными головками на обоих её концах [Петренко, 1978, с. 79, 88, табл. 33, 1], которые можно трактовать как драконоподобные. Как считал М.И. Артамонов, погребения в Семибратних курганах в низовьях Кубани, по-видимому, представляют династию туземных племенных царей, сильно эллинизированных, но сохранивших тесную связь со своей этнической средой. В склепе самого большого из них, которое может быть датировано рубежом V–IV вв. до н.э., среди многих богатых артефактов найден большой бронзовый сосуд с подставкой на трёх львиных ножках и с двумя ручками в виде львов и змей. В четвёртом кургане в погребении, примерно того же времени или немного древнее, найдены, в частности, пять треугольных золотых пластин, служивших оковками несохранившихся деревянных частей ритонов; на фризе одной из этих пластин имеется изображение дракона (сенмурва). Кроме того, тут был найден плетёный золотой браслет в виде змеи, с головками на каждом из двух концов браслета. У погребенного здесь на груди находилась, кстати, большая бронзовая голова Горгоны [Артамонов, 1966, с. 36-37, табл. 121, 133], как известно, самым тесным образом связанной со змеями.

Еще больше подобных находок сделано на Тамани. В огромном кургане Большая Близница, точнее – во втором женском погребении, среди большого числа великолепных находок обнаружены два золотых спиральных (по три оборота каждый) кольца с головками змей на концах [Артамонов, 1966, с. 69, 72]. Украшения из этого кургана датируются 330–300 гг. до н.э. Также из курганов Тамани происходят три артефакта, хранящиеся в Бриллиантовой кладовой Государственного Эрмитажа: золотой браслет в четыре оборота с моделированной поверхностью и с головками змей на обоих концах; серебряное шейное украшение в десять плотно прилегающих слоев (оборотов) с головками змей на обоих концах. Подобное последнему украшению, но из золота и в семь оборотов, также с головками змей на концах, найдено в одном из самых больших курганов Таманского полуострова – Буеровой могиле (курган Боюр-Гора¹⁶, датируемый II в. до н.э.) [Ворошилов и соавт., 2016, с. 153; Кузнецов и соавт., 2016, с. 298, 300, 323, рис. 24]¹⁷. В Артюховском кур-

¹⁶Не вызывает сомнений, что Боюр-Гора является частью некрополя столицы Азиатского Боспора [Кузнецов, 2016, с. 323].

¹⁷Скорее всего, к этому же кругу находок относятся найденные в Пантикапее и хранящиеся в Золотой кладовой Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ) два плоских золотых браслета в три оборота с заостренными концами, напоминающими головки змей на концах браслетов. Подобная пара золотых браслетов III–II вв. до н.э. (также с головками змей на обоих концах каждого браслета, но последние – в семь оборотов) из Горгии хранится в Бриллиантовой кладовой ГЭ. В Горгии же найдены датированные 200-100 гг. до н.э. и хранящиеся в Золотой кладовой ГЭ золотой браслет в четыре оборота со змеиными головками на концах и две золотые гривны, на одном из концов каждой – голова дракона с глазами.

гане¹⁸, который отражает начальный этап переходного периода в истории Боспора, эпохи его второго расцвета в первые века нашей эры, пожалуй, как нигде в курганных памятниках, значительно представлены артефакты с изображением змей. Так, из одиночного женского погребения I происходит пара змеевидных браслетов, два похожих (в виде свернувшейся змеи) браслета найдены также в гробнице II. В гробнице II найден также перстень в виде свернувшейся в спираль змеи [Максимова, 1979, с. 17, 37-38, 62, 64, рис. 17 – Арт. 11, 12, 48, 49; 19 – Арт. 57]. Также на Тамани найдены еще два выразительных золотых браслета: браслет с головками змей на концах (середина V в. до н.э.) при раскопках IV Семибратнего кургана в 1876 г.) и в виде свернувшейся змеи (III в. до н.э.), случайная находка 1870 года на Васюринской горе (1-й Средний курган) [Калашник, 2014, с. 62, 242]. Все эти находки ярко свидетельствуют о наличии культа змей в скифской среде, и возможно допустить, что данный культ был реликтом древних представлений об Áhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке) – возможном прообразе Ахилла. Тем более что общеизвестны свидетельства почитания Ахилла, по крайней мере, среди знатных скифов.

Нами ранее обобщены данные о реалистичном отражении образа Ахилла в греко-варварском искусстве [Лазаренко, 2021]. Это хорошо известный ряд изображений, которые связываются с различными эпизодами из жизни Ахилла, на произведениях торевтики, найденных в скифских курганах. Одна из них сделана на Кубани при исследовании кургана Карагодеуаш (близ г. Крымска Краснодарского края) – фрагментированная серебряная накладка горита. Остальные находки, имеющие сюжеты из жизни Ахилла, происходят из курганов, располагавшихся не так далеко от Боспора. Это обкладки горитов из следующих курганов: Чертомлык, Ильинецкого, Мелитопольского и Восьмого кургана группы «Пять братьев» Елизаветинского могильника. Группу обкладок ножен составляют находки из кургана Чертомлык и Восьмого кургана группы «Пять братьев», обнаруженные вместе с указанными выше обкладками горитов. Напомним, что Мирмекийский саркофаг, датируемый II в. н.э., имеет изображения, практически идентичные изображениям сцен из жизни Ахилла на этих обкладках, найден неподалеку от Пантикапея – в Мирмекии. Следует констатировать, что все упомянутые выше реалистические сюжеты изображений на артефактах античного Северного Причерноморья признаются, безусловно, связанными с образом Ахилла, не вызывают научных споров и позволяют утверждать, что Ахилл почитался не только в среде скифской знати Северного Причерноморья, в том числе на Боспоре, но и местными царями. Об этом свидетельствует сам факт погребения в Мирмекийском саркофаге боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (154/155 – 170/171 гг. н.э.). Заметим, что круг рассмотренных памятников с реалистичными изображениями Ахилла охватывает не менее шести веков.

Что касается почитания Ахилла «варварами», в т. ч. скифами, то следует учиты-

¹⁸Этот курган находился рядом с городищем Кепы (на территории современного поселка Сенной на Тамани).

вать не только особенности мифологии Ахилла, но и глубинные причины почитания Ахилла варварами Северного Причерноморья, для которых он в известной степени был воплощением древнейшего верховного божества индоевропейцев – *Áhi*-Змея. Причина этого не только в созвучии имени Ахилла и др.-инд. *áhi*- «змей». При разностороннем исследовании древних литературных свидетельств о скифском происхождении Ахилла и скифских генеалогических легенд, где фигурируют образы змей, Ахилл предстаёт не просто «скифом» и даже не только «Владыкой Скифии», но прародителем целого народа «Старой Скифии». Поэтому образ Ахилла, имеющий весьма архаичные черты, заложенные еще в период индоевропейской общности, очевидно, напоминал собой в варварской среде Северного Причерноморья вечно живого Первопредка, а, возможно, и Верховного бога. Это, видимо, послужило причиной его заметной популярности в скифской среде.

Более чем тридцатилетние исследования святилища II в. до н. э. – II в. н. э. на высокогорном перевале Гурзуфское Седло дали впечатляющий материал, среди которого весьма заметное место занимают украшения, интересные в контексте нашей работы. Это бронзовая статуэтка бородатого змея¹⁹ [Новиченкова, 2015, с.43, 202, рис. 69, 265], несколько серебряных и бронзовых браслетов разных типов, которые можно отнести к змееподобным [Новиченкова, 2015, с. 63, рис. 106, 1, 4, 5, 7; 107], весьма выразительный серебряный браслет в виде практически натуральной змеи [Новиченкова, 2015, с. 64, рис. 108–109, 278], ряд серебряных и бронзовых колец, схематически изображающих змей [Новиченкова, 2015, с. 64–66, 112; 113, 1–3]. Кроме того, кольцо с печатью, имеющей изображение змеи, а в одной из жертвенных ямок найдено массивное литое серебряное кольцо, изображающее двух змей, держащих ларец кубической формы [Новиченкова, 2015, с. 65, 188, 207–209, рис.110, 6, 12; 112, 279]. Анализ расположения и сочетания культовых находок позволил автору раскопок на Гурзуфском Седле Н.Г. Новиченковой сделать вывод, что ритуальный комплекс здешнего святилища представлял собой модель трехуровневого мира, с Мировым древом или Мировой горой, с Мировым змеем в основании; при этом оригинальный облик этого святилища не находит близких аналогий. При этом сделано заключение: «Обрядность святилища на Гурзуфском Седле своими корнями уходит в глубокую древность... дает основание видеть происхождение обряда святилища в местной среде Горного и Южнобережного Крыма... В основе этой оригинальной культуры заложена древняя основа, по-своему отражавшая культ Великой богини [Новиченкова, 2015, с. 127–129, 137]. Безусловно, последнее суждение оправданно, однако, на наш взгляд, следовало продолжить толкование данного святилища дальше простой констатации наличия здесь символов Мирового древа и Мирового змея, используя известные индоевропейские параллели»

¹⁹Напомним, что бородатый змей – весьма известный образ подземных сил и умерших предков. Таким представлен великий змей Пифон у Каллимаха (Нутн. IV, 90-92), широко известны подобные изображения Зевса Мейлихиоса, чей образ сохранил черты доолимпийских змеевидных божеств.

ли, поскольку это непременно приведет к представлениям об Аhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке) – возможном прообразе Ахилла.

При исследовании святилища Туар-Алан (II в. до н. э. – первая половина I в. н. э.) в Юго-Восточном Крыму²⁰ также сделан целый ряд находок «змеиной» тематики. Прежде всего, это более полутора десятка змеевидных бронзовых браслетов и серег/подвесок [Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 99–101, рис. 31, 1, 2, 5, 15; 32, 3, 4, 10; 33, 7, 8, 10, 11; 34, 1, 4, 5; 35, 28, 34]. Кроме того, к змеевидным сюжетам можно отнести орнамент в виде зигзагообразных пуансонных линий на ременной четырехугольной бронзовой пластине и на наконечнике ножен трапециевидной в плане формы из свернутой пластины [Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 88–89, рис. 23, 5; 24, 2]. Но самыми интересными, поскольку в доступной нам литературе больше нигде не встречаются, представляются два крюка из свернутого в конусовидную трубку бронзового листа и один крюк бронзовый кованый; функция и место крюков (длиной 15–19 см) в портупейном наборе точно не установлены, хотя сама принадлежность их к этому виду амуниции у авторов «особых сомнений не вызывает» [Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 85–86]. Некоторые из этих крюков украшены орнаментом из врезных линий и насечек [Гаврилов, Труфанов, 2014, рис. 21, 1, 3, 4], скомпонованным таким образом, что весьма напоминает орнаментацию некоторых видов «змеевидных» браслетов во фракийской традиции²¹, которая затем распространилась в Северном Причерноморье, в т. ч. в Крыму. А.В. Гаврилов и А.А. Труфанов считают, что находки из святилища Туар-Алан дают возможность сопоставить данный памятник с другими синхронными культовыми комплексами²², исследованными на территории Крыма, и охарактере-

²⁰Памятник находится в 4,5 км к северо-западу от пгт Щебетовки Феодосийской административной зоны в верховье Водяной балки.

²¹В.Г. Петренко предполагала фракийское происхождение орнамента в виде косоугольного креста между группами продольных линий на окончаниях головок браслетов и подчеркивала, что головка змеи может быть показана не только соответствующей или подобной формой, но и «с помощью орнамента в виде полос, кружков и косых крестов, выполненного гравировкой» [Петренко, 1978, с. 52, 53, 55]. Это было затем подтверждено материалами венгерского Придунавья конца VII – начала VI в. до н. э. [Дараган, 2010, р. 106, рис. 20, 2] и исследованием погребального обряда скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра, показавшим, что орнаментация в виде кружочков, линий и крестов нередко присутствует также на браслетах с окончаниями в виде змеиных головок [Тельнов, Синика, 2012, с. 72]. Что касается, например, Западного Крыма, то орнамент в виде косоугольного креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головку змеи, широко представлен на браслетах из могильника Дружное-2 [Колотухин, 1987, с. 10–11, рис. 2, 1–10], а также на браслетах из кургана Мал-Муз [Решников, 1909, с. 138, 140–141, рис. 29], что подтверждает фракийское влияние здесь на самых ранних этапах формирования кизил-кобинской культуры, связанной с таврами.

²²В том числе с варварским горным святилищем римского времени (I–III вв. н. э.) Эклизи-Бурун (Алуштинский городской округ), где среди металлических украшений (которые являлись вотивами святилища) женского костюма обнаружен целый ряд серебряных и бронзовых браслетов, серег и подвесок, украшенных змеиными головками или их имитациями. Святилище Эклизи-Бурун римского времени по большинству формальных признаков демонстрирует архаичную, «догосударственную» стадию развития ритуальной практики. При этом браслеты со змеевидными окончаниями являлись «массовыми»

ризовать его, по классификации А.В. Лысенко, как «святилище наиболее архаичной, “догосударственной” ритуальной традиции». Авторы также предполагают, что появление и функционирование святилища Туар-Алан связано с населением, обитавшим во II в. до н. э. – III в. н. э. в Юго-Восточном Крыму и получившим археологическое выражение в позднескифской культуре. Возможно, во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. представители этого смешанного «позднескифского» эллинизированного населения и являлись адептами определенных культов в святилище Туар-Алан [Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 108–109, 113]. Учитывая количество разнообразных артефактов «змеиной» тематики, найденных здесь, возможно полагать, что эти «определенные культы» так или иначе были связаны с почитанием змей, а обитатели этих мест были реликтовыми индоариями. Некрополь городища Белинское²³ расположен на возвышенности в 1,5 км к югу от одноименного села Ленинского района Крыма, или в 600 м к востоку от городища этого памятника археологии. Здесь, в могиле № 12 (второй половины II – начала III в. н. э.), среди разнообразного инвентаря группового погребения обнаружены змеевидный браслет и бронзовый перстень в виде змеи, по аналогии с перстнем из Усть-Альминского некрополя, датируемый не позднее первой половины II в. н. э. [Зубарев, 2013, с. 167, рис. 6, 16; рис. 8, 8]. Почти на всех типах лепной керамики городища Белинское имеются змееподобные валики [Зубарев, Крайнева, 2005, табл. III, 3, 4, 13; IV, 11, 12, 14; V, 3, 8, 14, 15; VII, 10, 15–17; VIII, 1, 3, 9]. Археологический материал из раскопок данного городища и его некрополя свидетельствует о постепенной «варваризации» жителей этого сельского поселения, причем данный процесс был достаточно длительный [Зубарев и соавт., 2014]. Среди находок могильника в пещере Глазастая (восточный склон Караби-Яйлы, примерно посередине расстояния между Белогорском и Алуштой), которые представлены артефактами, обычно встречаемыми при раскопках крымских грунтовых могильников первых веков нашей эры, – сомкнутый браслет с одним из концов, выполненным в форме стилизованной змеиной головки [Лысенко, 2003, с. 90, рис. 5, 14].

О почитании Ахилла в Восточном Крыму свидетельствуют граффити, которых оказывается не так мало, как считалось ранее. При раскопках Феодосии найдены граффити АХI (на дне чернолакового сосуда IV в. до н.э.) и также АХ в аббревиатуре на почти круглом фрагменте амфоры (первых веков н. э.), по форме и размеру весьма напоминающие вотивы святилища Ахилла на Бейкуше. Кроме того, здесь обнару-

«внутрикультурными» артефактами. Видимо, люди, оставившие данное святилище, фигурировали в греко-римской нарративной традиции и местных эпиграфических документах римского времени как «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы», населявшие «Таврику». Предположительно они появились в Горном Крыму во II–I вв. до н. э. и сохраняли культурное своеобразие до начала V в. н. э. [Лысенко, Мордвинцева, 2019, с. 264–266, 270–271, 277–278, прим. 194, рис. 3, 5; 4, 7; 5, 1–2; 6; 7, 5; 8, 4–5].

²³Городище Белинское в иерархии крепостей боспорской обороны занимает вершину «пирамиды» наряду с Илуратом и Савроматием и определяется как «городок-крепость» [Масленников, 2001, с. 96–97].

жено граффито в виде зигзага на дне чернолакового килика III–II вв. до н.э. [Емец, Петерс, 1993, с. 77, 82, рис. 1, 5; 2, 35, 43], что может быть символом змея. Почитание Ахилла в Мирмекии подтверждается находкой посвященного ему граффито в виде АХ [Емец, 2005, табл. LIII, 4]. При исследовании коллекции граффити на керамических изделиях из раскопок Нимфея, которая хранится в фондах Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, А.С. Намойлик выявила, в частности, интереснейшее граффито на венчике красноглиняной миски из слоя III в. до н.э. (№B101), где «за теонимом следует эпиклеза: мы склонны понимать её как производную от ὁ ἄυρός буквально «тот, который в поле»... с достаточной долей уверенности восстанавливается имя Ахилла в неизвестной ранее ипостаси Эпагрос – [Αχι] λλέως Ἐπάυρου»; кроме того, исследовательница обнаружила в упомянутой коллекции две аббревиатуры АХ, одна из которых процарапана на подставке чернолакового килика конца VI – первой половины V в. до н. э. (№ А67), а другая – на дне буролакового закрытого сосуда, относящегося к эллинистическому периоду (№ А68) [Намойлик, 2018, с. 66, 125-126]. На наш взгляд, этот «новый» эпитет Ахилла вполне согласуется с хтонической природой его образа, в частности в роли доэллинского супруга Великой богини, который представлял собой умирающее и воскресающее вегетативное божество [Шауб, 2007, с. 190].

При изучении поселения у села Михайловка²⁴ (Ленинский район Крыма) в слое последней четверти I – начала II в. н.э. найдено граффито АХΙΛΛ на фрагменте стенки краснолаковой миски [Емец, Петерс, 1994, с. 168, рис. 2, 1; Емец, 2005, табл. LXV, 3], а также граффито АХ на фрагменте амфоры, в слое II в. н.э. Авторы сочли обнаружение граффито с именем Ахилла на сельском поселении весьма неожиданным и справедливо допустили, что оба эти фрагмента служили амулетами, связанными с почитанием культа Ахилла [Емец, Петерс, 1994, с. 168, 175–176, рис. 5, 9]. Кроме того, в слое I в. н. э. обнаружено граффито, которое сочли пентаграммой [Емец, Петерс, 1994, с. 173, рис. 4, 20], которое на самом деле представляет собой монограмму АХ, поскольку у предполагаемой «звезды» отсутствует верхняя перекладина. Н.И. Винокуров считает необычными найденные в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан «глубоко прочерченные на стенке амфоры граффити из нескольких букв или монограмм – АХ вместе с граффити на основе основательно прочерченной буквы А» и допускает их связь с Ахиллом [Винокуров, 2007, с. 196–197, рис. 2]. На поселении Артезиан найден еще целый ряд граффити, возможно, посвященные Ахиллу. Это АХΙ на внешней стороне краснолаковой миски I в. н. э., а также несколько граффити АХ: в монограмме на стенке красноглиняной амфоры из слоя I в. н. э., в монограмме на стенке красноглиняного кувшина из слоя II в. н. э., в монограмме на фрагменте плечиков светлоглиняной амфоры I–III вв. н. э., на донце краснолаковой миски III в. н. э. [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 19, 20, 26, 35, рис. 7, 8, 40, 80, 94]. Выделяется граффито АХΙΛ в монограм-

²⁴Исчезнувшее село в Ленинском районе Крыма, примерно в центре Керченского полуострова.

ме на стенке амфоры из родосской глины из Казантипа Западного у села Мысовка [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 139, рис. 715]. На хоре европейского Боспора найден целый ряд граффити в виде АХ: в монограмме на стенке красноглиняной амфоры из слоя середины III – первой четверти IV в. н. э. с поселения Белинское [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 71, рис. 297]; на фрагменте дна мегарской чаши с теменоса поселения Генеральское Восточное (в восточной части Генеральской бухты в Приазовье) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 110-111, рис. 570]; в монограмме на фрагменте амфоры из синопской глины с крупного городища Зеленый Мыс (крупное городище в 6,5 км от мыса Зюк) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 122, рис. 630]; в монограмме на фрагменте амфоры из красной глины с поселения Золотое Восточное²⁵ [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 125, рис. 647]; на стенке амфоры первых веков н.э. с Мыса Зюк (городище Зенонов Херсонес) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 130, рис. 677]; в монограмме на фрагменте большой лощеной тарелки с поселения Полянка (в 5 км к западу от мыса Зюк) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 164, рис. 874].

Немало граффити подобных типов обнаружено и на азиатском Боспоре, в частности на Тамани. На внутренней поверхности дна краснолакового блюда I в. н. э. с поселения Ильичевка у дер. Ильич отчетливо читается АΧΙΛΛΕ, а на внутренней – АХ [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 200, рис. 166-167 (1117а-1118)]. Граффито АХ обнаружено в Горгиппии на дне чернолаковой солонки IV-III вв. до н. э., [Сапрыкин, 2002, с. 285, рис. 1, 3], а также в Гермонассе [Емец, 2005, табл. XL, 5]. Граффито АХ представлено еще в целом ряде случаев: в монограмме на дне миски из серой глины I в. до н. э. – I-II вв. н. э. с поселения Анапская Батарейка (около 15 км к юго-востоку от Анапы) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 180, рис. 2 (950)]; в монограмме на стенке амфоры из фасосской глины из слоя II-I вв. до н. э. с поселения Ахтанизовский лиман на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 183, рис. 28 (976)]. И.И. Толстой приводит граффито АХ, найденное на Тамани, к сожалению, без уточнения локализации [Толстой, 1953, с. 146]. Значительное количество граффити, так или иначе связанных с культом Ахилла, происходит из знакового места, где Страбон (VII, 4, 5; XI, 2, 6) и псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Сегодня его идентифицируют с поселением Батарейка-I у южного основания косы Чушка в районе Динского залива [Зубарев, 2005, с. 339], где найдено граффито на внешней стороне стенки буролаковой чашки I в. н.э. – рисунок в виде «лесенки» и аббревиатура АХ [Емец, 2005, с. 133], имеет аналогию с одним из граффити из святилища Ахилла на Бейкуше [Русяева, 1971, рис. 2]. Однако святилище Ахилла могло быть расположено в районе соседнего поселения Каменная Батарейка, где внутри помещения I в. до н.э. – I в. н.э. обнаружен комплекс граффити: на внутренней стороне

²⁵Поселение Золотое Восточное (городище Сююрташ) – крупнейшее в Приазовье античное городище, в 5,5 км к северо-востоку от одноименного села, на высоком прибрежном холме.

дна краснолаковой миски – аббревиатура АХ, рядом с которой процарапан магический знак в виде сетки и еще один магический знак в виде неправильного пятиугольника, перечеркнутого косым крестом, аналогии которому неоднократно встречались на Боспоре; на внешней стороне дна тарелки прочерчен солярный знак в виде перевернутой свастики [Емец, 2005, табл. LXXVII]. Из этого же помещения происходит фрагмент коричневой глиняной амфоры южнопонтийского производства, на котором процарапаны змеи в виде волнистых линий, соединенных общей чертой [Емец, 2005, с. 132–133], который имеет аналогию с одним из граффити Бейкуша [Русяева, 1971, рис. 2]. На соседствующем поселении, Батарейка-II, найдены следующие граффити, свидетельствующие об отправлении культа Ахилла: аббревиатура АХ с изображением перевернутого дерева справа (такое же граффито обнаружено на Ильичевском городище на Кубани²⁶ [Емец, 2005, табл. XLVII, 6]), а также с отдельным изображением перевернутого дерева и с отдельным изображением змеи в виде волнистой линии [Емец, 2005, табл. XLVII, 6; XCIV, 2; XLVII, 5]. Изображение змейки обнаружено на внутренней поверхности миски из серой глины из слоя II-III вв. н. э. могильника Широкая балка (на юго-восточной оконечности Новороссийской бухты, недалеко от побережья в одноименном урочище) [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 223, рис. 297 (1262)]. Кроме того, И.А.Емец отмечает, что на поселении Батарейка-II неоднократно встречались знаки в виде зигзага [Емец, 2005, с. 146, табл. LXXXVIII, 3, 4], что, символизирует змей. К этому же можно отнести зигзаг на граффито с поселения Анапская Батарейка и двух граффити из Горгииппии [Емец, 2005, табл. LXXXVII, 3, 4, 5], а также граффито, представленное двумя волнистыми линиями и свастикой с поселения Батарейка-II [Емец, 2005, табл. XCIV, 1].

На поселении Каменная Батарейка и в Горгииппии обнаружены граффити в виде букв АХ, заключенных в прямоугольную рамку [Емец, 2005, табл. XLV, 2, 3], что вызывает определенные ассоциации с известным изображением извивающегося змея в храме на перстне с острова Левки, которое безоговорочно связывается с культом Ахилла на данном острове [Охотников, Островерхов, 1993, с. 68, 80, рис. 17, 16]. Свастика представлена еще на двух граффити с поселения Батарейка [Емец, 2005, табл. LXXXII, 2, 3] и на одном – с некрополя поселения Ильич-II [Емец, 2005, табл. XCV, 4], а также на дне толстостенной миски I в. до н. э. – I в. н. э. с поселения Батарейка-II [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 192, рис. 95 (1046)]. Изображения перевернутого дерева, подобные бейкушским, представлены также на граффити из Пантикапея и Фанагории [Емец, 2005, табл. XX, 3, 4], а схожие пентаграммы – на граффити из Кыз-Аула²⁷ и Кеп [Емец, 2005, табл. LXXXIII, 1,

²⁶ Данное городище расположено на северной – северо-восточной окраине поселка Ильич Темрюкского района Краснодарского края, на берегу Керченского пролива. Городище возникло около I в. до н.э., затем несколько раз подвергалось разрушению и окончательно перестало существовать в период раннего Средневековья.

²⁷ Античный некрополь Кыз-Аул находится на морском побережье Керченского полуострова вблизи поселка Яковенково – ближайшем населённом пункте к Олукскому природному заповеднику. В данном некрополе находится множество монументальных каменных склепов, датированных I-II вв. н.э.

2; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 143, рис. 739], а также на внутренней стороне стенки краснолаковой миски I-II вв. н. э. с поселения Артезиан [Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 25, рис. 36]

О наличии на Боспоре культа Ахилла в определенной степени говорят также находки здесь «монет-стрелок»²⁸. Одна из них, в Нимфее, оказалась довольно неожиданной, поскольку даже при наличии на Боспоре культа Аполлона-врача, с его храмом в Пантикапее, там не было обнаружено ни одной «монеты-стрелки», хотя они считаются атрибутом данного культа.²⁹ Автор публикации этой находки С.Н.Сенаторов, исследовавший материалы раскопок 1939–1941 годов, понимая значимость данной находки, привел серьезное коллективное подтверждение: «По заключению А.Ю.Алексеева, Ю.А. Виноградова, В.Ю. Зуева, С.Л. Соловьева и С.В. Хаврина, данный наконечник является монетой-стрелкой, которые были распространены в VI в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье». Данная монета-стрелка найдена в святилище Деметры в Нимфее, «в слое, где присутствовали обломки чернофигурных киликов второй-третьей четверти VI в. до н. э.» [Сенаторов, 2001, с. 111]. Обнаружение монеты-стрелки в святилище Деметры, на наш взгляд, закономерно, если помнить, что Ахилл являлся паредром Великой богини [Шауб, 2007, с. 190], а Деметра была, как известно, ее ипостась. Особого внимания заслуживает и находка при исследовании городища Акра³⁰, о которой сообщил в 2004 году А.И. Куликов: «Среди около 1600 монет, найденных на городище Акра, имеется одна литая монета-стрелка Керкинитиды (первой половины V в. до н.э.)» [Куликов, 2004, с. 162]. Учитывая относительную редкость находок монет-стрелок в самой Керкинитиде, обнаружение такой «монеты» на противоположном конце Крыма можно объяснить только особым значением, которое придавалось этому вполне вероятному символу Ахилла, особенно если обратить внимание на датировку приведенных выше «монет-стрелок». Хотя А.С. Русяева утверждает, что древнейшие посвящения

²⁸Итоги наших многолетних исследований, представленные в серии статей [Лазаренко, 2020а; 2021а; 2021б; 2022б], показывают, что «монеты-стрелки» скорее всего являлись «монетами-копьями», появились во Фракии и распространились по всему Северному Причерноморью в результате достаточно раннего проникновения туда фракийцев вплоть до Крыма и Кавказа. Мы отнесли «монеты-копья» Ольвийского полиса и Керкинитиды к культу Ахилла, образ которого в своих истоках был очень близок образу Фракийского всадника, верховного бога фракийцев. В частности, оба они не мыслились без копья. Однако в настоящей статье для удобства коллег мы будем употреблять привычную им терминологию «монеты-стрелки».

²⁹Примечательно, напротив, что в Керкинитиде, где обнаружено несколько десятков «монет-стрелок», совершенно нет следов Аполлона-врача.

³⁰Городище Акра расположено в 3 км к северо-западу от мыса Такиль, неподалеку от поселка Набережное (Ленинский район, Крым), и основано выходцами из Нимфея или Пантикапея в конце VI в. до н.э. Страбон (XI, 2, 8) сообщает, описывая азиатскую часть Боспора: «Маленькое селение по имени Акра, лежащее напротив в области пантикапейцев. Акра отделена от Корокондамы проливом в 70 стадий шириной» (это Керченский пролив в своей южной части). За свою долгую историю Акра подверглась значительным природным воздействиям в силу своего географического положения. В настоящее время городище почти полностью скрыто водами Черного моря, за исключением западного участка.

Аполлону-врачу относятся к VI в. до н.э. [Русяева, 2005, с. 232], на самом деле это не так. Самое раннее из известных таких посвящений относится ко времени правления Левкона I (389/388–349/348 гг. до н. э.) [КБН, 1965, с. 18–19], т.е. после постройки в V в. до н.э. храма Аполлона-врача в Пантикапее.

Ранее мы высказали предположение о возможности скрытого почитания Ахилла на Боспоре, основываясь на неоднократном выпуске монет самых мелких серебряных номиналов – тетартемориев с изображением муравья на аверсе в Пантикапее (в том числе нескольких – в храме Аполлона) и в Феодосии. При этом мы акцентировали внимание в отношении храмовых выпусков на том, что муравей никоим образом не может являться символом Аполлона, он может быть только символом Ахилла – предводителя мирмидонян («муравьиного народа»), чей феномен достаточно тесно связан с древнейшим Крымом и крымским же Мирмекием, само название которого происходит от $\mu\acute{\rho}\rho\mu\eta\zeta$ «муравей» [Лазаренко, 2018]. Это, в свою очередь, делает весьма вероятной принадлежность боспорских тетартемориев с изображением муравья к глубоко табуированному, в плане имени, культу Ахилла. Наша гипотеза нашла поддержку специалистов [Терещенко, Шауб, 2018, с. 140; 2018а, с. 154–155]. В последние годы появились данные, что монеты этого номинала с муравьем на аверсе выпускались также на Тамани, с вероятным местом эмиссии в Гермонассе, поскольку стали известны, по крайней мере, восемь экземпляров двух типов таких тетартемориев, выпущенных соответственно в 530–520 и 520–510 гг. до н.э. [Каталог... <https://bosporian-kingdom.com/000-1075.html>; <https://bosporian-kingdom.com/000-1075.html> 000-1125]. Это совпадает со временем первых двух выпусков тетартемориев также с муравьем на аверсе, но с другими, по сравнению с Гермонассой, типами реверса в Пантикапее. Всего по уточненным данным «Каталога монет Боспорского царства», собственно в Пантикапее было выпущено двенадцать типов таких монет (последний выпуск в 413–403 гг. до н.э.), а в пантикапейском Храме Аполлона – шесть типов (последний выпуск в 423–413 гг. до н.э.). Кроме этого, зафиксирована однократная эмиссия тетартемориев с изображением муравья на аверсе в Феодосии (410–405 гг. до н.э.) и Синдике (413–403 гг. до н.э.) [Каталог... <https://bosporian-kingdom.com/000-2164.html>; <https://bosporian-kingdom.com/000-1075.html> 000-2099]. Обширность территории выпусков таких монет, а также начало их эмиссии одновременно по обе стороны Боспора уже в конце VI в. до н.э. еще более утвердило нас в понимании скрытого характера культа Ахилла в данном регионе.

В связи с этим большой интерес представляет другое символическое отражение его образа. Данные, свидетельствующие об этом³¹, обобщены нами ранее [Лазаренко, 2021], основным выводом чего стало то, что образы Ахилла и гиппокампа или грифоно-гиппокампа (фантастическое крылатое существо со змеиным телом) действительно могли ассоциироваться в сознании скифов, фракийцев и реликтовых ариев Северного Причерноморья (дандариев, тавров, меотов, синдов) – потомков ранних

³¹Среди них особый интерес представляют работы И.Ю. Шауба [2011; 2017].

ариев, создавших представления о трехчастном устройстве мира и роли в нем змеино-го начала. Напомним, что змеям в индоевропейском сознании издревле отводилась огромная роль: Змей мыслился аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства [Топоров, 2010, с. 221–224], что подтверждено сравнительными исследованиями индоевропейских языков, где обнаружено, что Змей выступает даже как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания [Маковский, 1996, с. 175–179]. Кроме того, Змей выступает в роли Первопредка индоевропейцев [Маковский, 2014, с. 124–129]. К обобщенным нами ранее данным об изображениях гиппокампа следует добавить интересное бронзовое навершие, хранящееся в Центральном музее Тавриды г. Симферополя (инвентарный номер: КП-12927/22, А-21425) и представляющее изображение грифоно-гиппокампа, терзающего некое неясное животное. Это навершие было опубликовано в каталоге выставки «Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer (Крым – золотой остров в Черном море)» в Бонне (2013–2014 гг.) как происходящее из комплекса погребения у села Надежда (Советский район Крымской области, близ Феодосии) с датировкой V-IV вв. до н. э. [Die Krim..., 2013, abb. 5, s. 44]. Однако А.Р. Канторович со ссылкой на работы ряда коллег заключил, что «происхождение этого изделия, скорее всего, не крымское», а из «Водославки, которая находится на юге Херсонской области» [Канторович, 2017, с. 146]. Заметим, что и здесь вкралась неточность: Водославки в указанном регионе не существует, но есть Водославка – небольшое село на юго-востоке Херсонской области, в непосредственной близости от северо-восточной части Крыма. Но мы считаем главным не эти географические уточнения, а то, что обсуждаемое навершие практически аналогично известным навершиям из Краснокутского кургана [Мелюкова, 1981, рис. 9, 1–3] и из района Тилигульского лимана [Островерхов, Охотников, 1989, рис. 4, 4]. Таким образом, не очень существенно, из Восточного ли Крыма или с места в считанных километрах от него происходит обсуждаемое знаковое изображение, гораздо важнее, что место его находки располагается примерно посередине между Тилигульским лиманом в Одесской области и Краснокутским курганом вблизи нынешнего села Григоровка Солонянского района Днепропетровской области, где были найдены другие подобные навершия.

Таким образом, можно констатировать распространение символических изображений Ахилла в виде гиппокампа по всему Северному Причерноморью, а в виде муравья – на Боспоре. Что касается подобного табуирования образа почитаемого божества, то это вполне в индоевропейской традиции относительно именно Мирового змея, который был прообразом Ахилла. Например, скандинавская мифология сохранила предание о том, как в одном из испытаний богу Тору предложили поднять серую кошку: «Но чем выше он поднимал кошку, тем больше выгибалась она в дугу. И когда он поднял ее так высоко, как только мог, она оторвала от земли одну лапу. И больше у Тора так ничего и не вышло». Дело в том, что кошка, которую силился поднять Тор, в действительности была мировым змеем Йормунгандом, причем змей был так огромен, что у него «едва достало длины удержат на земле хвост и голову»

[Сканд., 2004, с. 100–101]. Заметим, что Тор, «защитник людей и богов, громовец», отличался огромной силой, причем отцом Тора был верховный бог Один, а матерью была богиня земли Ёрд. В этом мифе отразился очень трудный процесс вытеснения новыми богами древнейших могучих богов индоевропейцев, которые, как правило, имели змеиную природу. В греческой мифологии подобные события отражены в труднейшей борьбе Зевса с Тифоном. Поскольку речь здесь идет о смене верховного божества, то вполне понятно, что почитатели старых богов просто обязаны были табуировать имя и образ прежнего почитаемого ими божества. Относительно Ахилла это была ситуация жесткой конкуренции с Аполлоном (кстати, змеборцем), который был просто вездесущ в греческой колониальной среде Северного Причерноморья, в т. ч. на Боспоре. Но «варварские» основы культа Ахилла и многовековое «варварское» влияние на него уже в колониальное время в этом обширном регионе без особой огласки удержали здесь истинные корни данного культа и само его существование.

Невозможно пренебречь важным замечанием С.С. Бессоновой об образе Ахилла в виде гиппокампа: «Можно также предположить, вслед за В.И. Абаевым и Ж.Дюмезилем, что в какой-то период это было и божество конкретной местности – Керченского пролива, где сходились морские интересы Боспора, скифских царей, а также синдо-меотских племен [Бессонова, 2004, с. 28]. Наши данные приводят к тому, что это совершенно не исключено, и этим божеством являлся Ахилл. Такая возможность усиливается еще и тем, что именно в районе Керченского пролива Страбон (VII, 4, 5; XI, 2, 6) и псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Здесь же (в районе Динского залива) находится значительных размеров коса Чушка, которую, видимо, и имел в виду Присциан (Pereg. 297-299), располагая Ахиллов Дром «вблизи устья Меотиды», то есть Керченского пролива. Немаловажно, что эта местность была населена задолго до прихода сюда греков – в северной части Таманского полуострова, именно у косы Чушка раскопано поселение, которое существовало с эпохи позднего бронзового века и вплоть до начала V в. до н.э. [Сударев и соавт., 2018]. У южного основания косы Чушка, обнаружены и исследованы поселения Батарейка-I, Батарейка-II, Каменная Батарейка, одно из которых, возможно, и было страбоновой Ахиллеей, учитывая найденные там артефакты (см. выше). Данная коса – весьма вероятно, один из Ахилловых Дромов (как и остальные: в устье Дуная и в Нижнем Побужье, даже без каких-либо культовых объектов на них), как показано нами [Лазаренко, 2018b], возможно, сами были объектами почитания, напоминая древнейшего Змея–Ахилла – Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью. Об этом свидетельствует эпитет Ахилла, зафиксированный в Эпире – Аспет, поскольку Ἄσπετος и означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Подчеркнем, что такие эпитеты присущи только верховным богам, что еще раз утверждает истинный масштаб почитания Ахилла в

Северном Причерноморье, в том числе на Боспоре. Видимо, поэтому перед ним преклонялась не только скифская знать, но и, возможно, некоторые боспорские цари.

На наш взгляд, изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы, не говоря уже о буквенных обозначениях АХ и АХІ, на приведенных выше граффити находят явные аналогии с граффити Бейкуша [Русяева, 1971; Буйских, 1991, с. 12; 2002], хотя их разделяет порой пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Всё это, очевидно, указывает на стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. Но святилище Ахилла на Бейкуше хоть и было самым древним в Северном Причерноморье, но функционировало от силы полтора века, закончив свое существование в начале V в. н.э. Отличие культа Ахилла на Боспоре в том, что он сохранил свои самые древние черты, где образ Ахилла являлся трансформацией Верховного бога и Первопредка ранних индоевропейцев *Áhi*-Змея, с конца VI в. до н.э. до, по крайней мере, III в. н.э. При этом культ имел достаточно скрытый характер, то есть определенную степень табуированности не только имени, но и образа бога. Имя Ахилла представлялось граффити (не только в городах, но и в обширной сельской хоре Боспора) в виде кратких монограмм, понятных только посвященным, а сам Ахилл, змей в своей основе, на Боспоре нередко представлялся муравьем или же гиппокампом. В Ольвийском же полисе архаический культ Ахилла, испытавший огромное влияние верований местного населения, в римское время трансформировался в культ Ахилла Понтарха. Впрочем, последнее было бы, скорее всего, невозможным, если бы Ахилл до этого почитался лишь как герой. Владыкой Черного моря мог стать только древний Верховный бог – вспомним эпитет Ахилла *Ἄσπετος* «неизреченный, несказанно великий».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник. 1966. 120 с., табл.
- Бессонова С.С.* Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. Запоріжжя, 2004. С. 25–30.
- Бейлин Д.В., Рукавишников И.В.* Курган № 2 курганной группы Ак-Монайская 1 (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 32–39.
- Бонин А.В., Буравлев С.А., Ермолин С.А.* Поселение Луговое Северо-Западное 2 (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 54–59.
- Буйских С.Б.* Новые эпиграфические находки с Бейкушского поселения // II Чтения памяти профессора П.О. Карышковского. Тезисы докл. конференции, Одесса, 1991. С. 11–12.
- Буйских С.Б.* К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.
- Винокуров Н.И.* Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. 2007. Вып. 1. С. 190 – 199.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д.* Курган Бююр-Гора (Бурерова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола / Отв. ред.-сост. В.Ю. Зуев и В.А. Хршановский. СПб.: [б.и.], 2016. С. 147–164.
- Гаврилов А.В.* Курганы Юго-Восточного Крыма // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2010, nr. 3. С. 261–280.
- Гаврилов А.В., Тоцев Г.Н.* Курган у села Желябовка в Крыму // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999, nr. 2. С. 160–166.
- Гаврилов А.В., Труфанов А.А.* Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь, 2014. С. 73–152, 513–521.
- Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII археологического съезда. Т. I. М. 1905. С. 174–225.
- Дараган М.* Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиски хронологических реперов // *Revista Arheologică. Serie nouă*. 2010. Vol. VI. № 2. Chişinău. Pp. 85–113.
- Емец И.А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского: Типология и методика исследования. М.: Спутник, 2005. 242 с.
- Емец И.А., Петерс Б.Г.* Граффити и дипинти античной Феодосии // Краткие сообщения Института археологии РАН. 1993. Вып. 207. С. 77 – 83.
- Емец И.А., Петерс Б.Г.* Граффити с поселения у с. Михайловка // Российская археология. 1994. № 2. С. 164 – 178.
- Зубарев В.Г.* Две могилы с «заплечиками» из некрополя городища Белинское в Восточном

- Крыму // Древности Боспора. 2013. Вып. 17 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 158–175.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Лепная керамика с городища у села Белинское (общая характеристика) // Древности Боспора. 2005. Вып. 8 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 195–221.
- Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. «Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II – V вв. н. э. (на примере городища Белинское) // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXXVIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. С. 179–189.
- Иванов А.В., Сударев Н.И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. 2013. Вып. 17 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 176–186.
- Калашиник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа: памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 280 с., ил.
- Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточно-европейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели) // «И музою его была наука». Сборник памяти В. А. Кореняко (1952 – 2016). Азов. Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017. С. 143–180.
- Каталог... – Каталог монет Боспорского царства: <https://bosporian-kingdom.com>
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965. 951 с.
- Кислый А.Е. Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // Stratum plus. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. С. 93–126.
- Кислый А.Е. Условность и реализм искусства каменной культуры Восточного Крыма // Древности Боспора. 2011. № 15 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 189–208.
- Кислый А.Е. О стенах (специальные постройки каменной культуры Восточного Крыма) // Древности Боспора. 2016. № 20 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 269–288.
- Кислый А.Е. Планиграфия памятников каменной культуры Восточного Крыма // Древности Боспора. 2012. № 16 / Гл. ред. А.А. Масленников. С. 200–219.
- Кислый А.Е., Ислямов Э.М. Поселение Коктебель каменной культуры Восточного Крыма // Таврійські студії: історичні науки. 2013. № 1(4). С. 80–88.
- Кияшко А.В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. С. 25–43.
- Колотухин В.А. Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // Советская археология. 1983. №1. С. 277–282.
- Колотухин В.А. Население горного и предгорного Крыма VII–V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–27.
- Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. К.: Стилос, 2003. 139 с.
- Колтухов С.Г. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Вып. I. Сб. статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: 2014. С. 45–72.
- Колтухов С.Г. Скифский могильник IV в. до н.э. в Крымском Приазовье // История и археология Крыма. Вып. X / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Колорит, 2019. С. 69–82.
- Колтухов С.Г., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. II (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993 – 1995 гг.). Запорожье: Изд-во Запорожского госуниверситета, 1998. 194 с.
- Копьева Т.А. Классификация керамики катакомбной культуры в Крыму // История и архео-

- логия Крыма. Вып. II. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2015. С. 17–40.
- Кравченко Д.С.* Поселение Тууш-3 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 150–155.
- Кругликова И.Т.* Поселения эпохи бронзы и раннего железного века в Восточном Крыму // Советская археология. 1955. XXIV. С. 74–92.
- Куликов А.И.* О хронологии культурных слоев античного городища Акра // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. 2004. С. 160–163.
- Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О.* Курган Боюр-Гора (предварительная публикация) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 4. Вып. 2 / Ред. А.А. Завойкин. М.: Институт археологии РАН. 2016. С. 279–324.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей в Северном Причерноморье IV – I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I. Запоріжжя: Дике Поле, 2016. С. 37–48.
- Лазаренко В.Г.* Культ Ахилла на Боспоре и феномен мирмидонян // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть I. 2018. С. 318–324.
- Лазаренко В.Г.* Культ змей и ранние индоевропейские миграции // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. III. Запоріжжя: Дике Поле, 2018а. С. 115–128.
- Лазаренко В.Г.* Феномен Ахиллова Дрома // Боспорские исследования. Вып. XXXVII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2018b. С. 28–55.
- Лазаренко В.Г.* Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // Боспорские исследования. Вып. XXXIX / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 20–57.
- Лазаренко В.Г.* К вопросу об адекватной верификации сюжетов, связываемых с образом Ахилла на античных артефактах Северного Причерноморья и истоках почитания Ахилла в скифской среде // Боспорские исследования. Вып. XLI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. С. 16 – 62.
- Лазаренко В.Г.* Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений: Часть 1. Происхождение и время обращения монет-стрелок // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2020а. Вып. XII, 2 / Глав. ред. И.Ю. Шауб. С. 96–148.
- Лазаренко В.Г.* Символические изображения на торевтике и глиптике античного Северного Причерноморья, связываемые с образом Ахилла // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 3–41.
- Лазаренко В.Г.* Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 2. Существуют ли эпиграфические доказательства обращения монет-стрелок в греческой среде и действительно ли это «монеты-стрелки»? // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021а. Вып. XIII, 1 / Глав. ред. И.Ю. Шауб. С. 20–66.
- Лазаренко В.Г.* Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 3. Культурное

предназначение монет-стрелок. Раздел 1. О мнимом целительстве Аполлона-лучника и его стрел // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021b. Вып. XIII, 4 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 116–141.

Лазаренко В.Г. Генезис и особенности культа Ахилла в Западном Крыму // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLIV / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 86–139.

Лазаренко В.Г. Характер культа Ахилла на Боспоре // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Сакральное и материальное. Материалы международной научной конференции. Симферополь-Керчь, 2022a. С. 203–212.

Лазаренко В.Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 3. Культурное предназначение монет-стрелок. Раздел 2. Какова природа Аполлона-врача и к какому культу надлежит отнести монеты-стрелки (монеты-копья) // Новый Гермес. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2022b. Вып. XIV, 1 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 20–72.

Лысенко А.В. Пещерные некрополи горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н.э. – IV в. н.э.) // Vita antiqua. 2003. № 5–6. С. 85–107.

Лысенко А.В., Мордвинцева В.И. Металлические украшения костюма – вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 4. С. 240–296.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. Москва: Владос, 1996. 416 с.

Маковский М.М. Семиотика языческих культов. В кн. Маковский М.М. Язык как феномен. Москва: Ленанд, 2014. С. 124 – 168.

Максимова М.И. Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с., ил.

Масленников А.А. Сельские поселения европейского Боспора, некоторые проблемы и итоги исследований // Боспорские исследования. 2001. Вып. I / Отв. ред. В. Н. Зинько. С. 75–100.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

Меньшиков М.Ю., Горболь Н.Ю., Рукавишников И.В. Курган № 3 курганного могильника Луговое западное-1; курган Султановка и Курган-1 курганной группы из 3-х курганов Ивановка (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 198–203.

Намойлик А.С. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. СПб., 2018. 311 с.

Новиченкова Н.Г. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. 216 с.

Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 50–67.

Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.

Отрощенко В.В. Сюжет двобою у знаковії системі зрубної спільнотим // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции. Харьков. 2004. С. 17–18.

- Паромов Я.М., Гей А.Н.* Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. 2005. Вып. 8 / Гл. ред. А. А. Масленников. С. 320–339.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1978. 144 с., 52 табл.
- Репников Н.И.* Каменные ящики Байдарской долины // Известия Императорской археологической комиссии. СПб. Типография Главного управления уделов, 1909. Вып. 30. С. 127–155.
- Русяева А.С.* Культурні предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- Русяева А.С.* Религія понти́йських еллінів в античну епоху: Мифы. Святилища. Культы олімпійських богів і героїв. К.: Стіло́с, 2005. 559 с.
- Сапрыкин С.Ю.* Несколько неизданных горгиппийских граффити // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: материалы международной научной конференции. 2002. Ч. 1. С. 284–291.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Боспорские исследования. Supplementum 1. Симферополь-Керчь, 2007. 319 с., табл.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В., Топоривская М.А., Фролов В.В.* Поселение Городище, 11 км (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 324–333.
- Сенаторов С.Н.* Бронзовые наконечники стрел из Нимфея. I. По материалам раскопок 1939–1941 гг. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. 2001. С. 111.
- Сканд.* – Скандинавская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. 592 с.
- Сударев Н.И., Соловьев С.Л., Шаров О.В.* Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. Карачаевск. С. 263–266.
- Тельнов Н., Синика В.* Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // Revista Arheologică. Serie nouă. 2012. Vol. VIII. Nr. 1–2. Pp. 69–83.
- Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Особенности типологии пантикапейской чеканки // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть I. 2018. С. 139–145.
- Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. X / Глав. ред. А.Б. Егоров. 2018а. С. 146–160.
- Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.
- Топоров В.Н.* «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации. В кн. Топорова В.Н. «Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы». В 2-х т. Т. 1. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 210–262.
- Тоцев Г.Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье. Изд-во Запорожского национального университета. 2007. 304 с.
- Трубачев О.Н.* Indoagica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб. Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.

- Шауб И.Ю. Монстры в культуре скифов // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 24–47.
- Шауб И.Ю. Морские монстры в загробных представлениях боспорян и скифов // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. 2011. С. 131–137.
- Шульга П.И., Колтухов С.Г., Рукавишников И.В., Ермолин С.А., Выборнов А.В. Погребальные комплексы в предгорном Крыму // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 422 – 435.
- Die Krim..., 2013 – Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitband zur Ausstellung. Darmstadt: Primus Verlag, LVR-Landesmuseum, 2013. 450 S.
- Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105. Pp. 18226–18231.
- Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901. Pp. 1776.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian art. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. Pp. 184.

REFERENCES

- Artamonov M.I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ėrmitazha*. Praga: Artiia, Leningrad, Sovetskii khudozhnik Publ., 1966, 120 p., tabl.
- Bejlin D.V., Rukavishnikova I.V. Kurgan № 2 kurgannoj gruppy Ak-Monajskaja 1 (Respublika Krym, Leninskij rajon). *Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij*. Tom 25. M.: Institut arheologii RAN, 2018, pp. 32–39.
- Bessonova S.S. Krylatyi kon' – gippokamp – morskoj konek i skifskii Poseidon. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ia i Krimu*. Vol. XI, Zaporizhzhia, 2004, pp. 25–30.
- Bonin A.V., Buravlev S.A., Ermolin S.A. Poselenie Lugovoe Severo-zapadnoe 2 (Respublika Krym, Leninskij rajon). *Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij*. Tom 25. M.: Institut arheologii RAN, 2018, pp. 54–59.
- Buiskikh S.B. Novye epigraficheskie nakhodki s Beikushskogo poseleniia. *II chteniia pamiati professora P.O. Karyshkovskogo*. Tezisy dokl. konferentsii. Odessa, 1991, pp. 11-12.
- Buiskikh S.B. K istorii otkrytiia Beikushskogo sviatilishcha. *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremia*. Kiev, Institut arkheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21-32.
- Daragan M. Pamjatniki ranneskifskogo vremeni Srednego Podneprov'ja i Gal'shtatt: poiski hronologicheskikh reperov. *Revista Arheologica. Serie noua*. 2010, vol. VI, no. 2. Chişinău, pp. 85–113.
- Die Krim..., 2013 – Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitband zur Ausstellung. Darmstadt: Primus Verlag, LVR-Landesmuseum, 2013, 450 p.
- Emets I.A. *Graffiti i dipinti iz antichnyh gorodov i poselenij Bospora Kimmerijskogo: Tipologija i metodika issledovanija*. Moscow, Sputnik Publ., 2005, 242 p.
- Emets I.A., Peters B.G. Graffiti i dipinti antichnoj Feodosii. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*. 1993, 207, pp. 77 – 83.
- Emets I.A., Peters B.G. Graffiti iz poselenija u s. Mihajlovka. *Rossijskaja arheologija*. 1994, no. 2, pp. 164 – 178.
- Gavrilov A.V. Kurgany Jugo-Vostochnogo Kryma. *Stratum plus*. Arheologija i kul'turnaja antropologija. 2010, nr. 3, pp. 261–280.

- Gavrilov A.V., Toshhev G.N. Kurgan u sela Zheljabovka v Krymu. *Stratum plus*. Arheologija i kul'turnaja antropologija. 1999, nr. 2, pp. 160–166.
- Gavrilov A.V., Trufanov A.A. Svjatilishhe Tuar-Alan II v. do n. je. – pervoj poloviny I v. n. je. v Jugo-Vostochnom Krymu. *Istorija i arheologija Kryma*. Issue I. Sbornik statej, posvjashhennyj 100-letiju so dnja rozhdenija Olega Ivanovicha Dombrovskogo. Ed. V.V. Majko. Simferopol', 2014, pp. 73–152, 513–521.
- Golan A. *Mif i simbol*. Moscow, Russlit Publ, 1993, 375 p.
- Gorodtsov V.A. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij v Izjumskom uezde, Har'kovskoj gubernii, 1901 g. *Trudy XII arheologicheskogo s'ezda*. T. I. Moscow, 1905, pp. 174–225.
- Haak W., Brandt G., de Jong H. N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2008, 105, pp. 18226–18231.
- Ivanov A.V., Sudarev N.I. Ob avtohtonnom naselenii Tamani nakanune kolonizacii. *Drevnosti Bospora*. 2013. Issue 17. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 176–186.
- Kalashnik IŪ.P. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ėrmitazha: Pamiātniki antichnogo iūvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ia*. St. Petersburg, Ėrmitazh Publ., 2014, 280 p., ill.
- Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil' Kryma kak regional'nyj komponent vostochnoevropskogo skifskogo zverinogo stila (repertuar, hronologija i statisticheskie pokazateli). *«I muzozu ego byla nauka»: Sbornik pamjati V. A. Korenjako (1952 – 2016)*. Azov, 2017, pp. 143–180.
- Katalog... – *Katalog monet Bosporskogo carstva*: <https://bosporian-kingdom.com>
- KBN – *Korpus bosporskih nadpisej*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 951 p.
- Kislyj A.E. Naselenie i pamjatniki kamenskoj kul'tury Vostochnogo Kryma. *Stratum plus*. Kishinev, Vysshaja Antropologicheskaja Shkola, 2005, pp. 93–126.
- Kislyj A.E. Uslovnost' i realizm iskusstva Kamenskoj kul'tury Vostochnogo Kryma. *Drevnosti Bospora*. 2011, no. 15. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 189–208.
- Kislyj A. E. O stenah (special'nye postrojki Kamenskoj Kul'tury Vostochnogo Kryma). *Drevnosti Bospora*. 2016, no. 20. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 269–288.
- Kislyj A.E. Planigrafija pamjatnikov Kamenskoj kul'tury Vostochnogo Kryma. *Drevnosti Bospora*. 2012, no. 16. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 200–219.
- Kislyj A.E., Isljamov Je.M. Poselenie Koktebel' kamenskoj kul'tury Vostochnogo Kryma. *Tavrijs'ki studii: istorichni nauki*. 2013, no. 1(4), pp. 80–88.
- Kijashko A.V. Morfologija i ornamentika keramiki jepohi srednej bronzy Volgo-Donskih stepej. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik*. Issue 4. Volgograd, 2001, pp. 25–43.
- Kolotuhin V.A. Mnogoslojnoe poselenie v jugo-vostochnom Krymu. *Sovetskaja arheologija*. 1983 no.1, pp. 277–282.
- Kolotuhin V. A. Naselenie gornogo i predgornogo Kryma VII–V vv. do n. je. *Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 6–27
- Kolotuhin V. A. *Pozdnij bronzovyj vek Kryma*. Kiev, Stilos Publ., 2003, 139 p.
- Koltuhov S.G. Pogrebenija skifskogo vremeni v kurganah Central'no-Krymskoj stepi. *Istorija i arheologija Kryma*. Issue I. Sb. statej, posvjashhennyj 100-letiju so dnja rozhdenija Olega Ivanovicha Dombrovskogo. Ed. V.V. Majko. Simferopol', 2014, pp. 45–72.
- Koltuhov S.G. Skifskij mogil'nik IV v. do n. je. v Krymskom Priazov'e // *Istorija i arheologija Kryma*. Issue X. Ed. V.V. Majko. Simferopol', 2019, pp. 69–82.
- Koltuhov S.G., Toshhev G.N. *Kurgannye drevnosti Kryma*. II (po materialam raskopok Severo-Krymskoj jekspedicii v 1993-1995 gg.). Zaporozh'e, 1998, 194 p.

- Kop'eva T.A. Klassifikacija keramiki katakombnoj kul'tury v Krymu. *Istorija i arheologija Kryma*. Issue II. Sbornik statej, posvjashhennyj pamjati Aleksandra Evgen'evicha Puzdrovskogo. Ed. V.V. Majko. Simferopol', 2015, pp. 17–40.
- Kravchenko D.S. Poselenie Tuush 3 (Respublika Krym, Kirovskij rajon). *Goroda, selishha, mogil'niki*. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij. Tom 25. Moscow, Institut arheologii RAN, 2018, pp. 150–155.
- Kruglikova I.T. Poselenija jepohi bronzy i rannego zheleznogo veka v Vostochnom Krymu. *Sovetskaja arheologija*. 1955, XXIV, pp. 74–92.
- Kulikov A.I. O hronologii kul'turnyh sloev antichnogo gorodishha Akra. *Bosporskij fenomen: Problemy hronologii i datirovki pamjatnikov*. 2004, pp. 160–163.
- Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., Zhukovskij M.O. Kurgan Boiur-Gora (predvaritel'naia publikatsiia). *Zavoikin A.A. (Ed.). Fanagoriiā. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij*. Vol 4. Issue. 2. Moscow, Institut arheologii RAN, 2016, pp. 279 – 324.
- Lazarenko V.G. Kul't zmei v Severnom Prichernomor'e IV–I tysiacheletii do n.ē. *Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika "Kam'iāna Mogila"*. Issue I. Zaporizhzhia. Dike Pole Publ., 2016, pp. 37–48.
- Lazarenko V.G. Kul't Akhilla na Bospore i fenomen mirmidoniā // *Bosporskij fenomen: Obshchee i osobnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira*. Part I. 2018, pp. 318 – 324.
- Lazarenko V.G. Kul't zmei i rannie indoevropēskie migratsii. Mikhaïlov IĀ.B. (Ed.). *Visnik Natsional'nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika «Kam'iāna Mogila»*. Vip. III. Zaporizhzhia, Dike Pole Publ., 2018a, pp. 115 – 128.
- Lazarenko V.G. Fenomen Akhillova Droma. *Bosporskie issledovaniia*. Issue XXXVII. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch Kerch'-Simferopol, 2018b, pp. 28 – 55.
- Lazarenko V.G. Osobennosti kul'ta Akhilla v Krymu i na Aziatskom Bospore. *Bosporskie issledovaniia*. Issue XXXIX. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'-Simferopol, 2019, pp. 20–57.
- Lazarenko V.G. K voprosu ob adekvatnoĭ verifikatsii siūzhetov, sviāzyvaemykh s obrazom Akhilla na antichnykh artefaktakh Severnogo Prichernomor'ia i istokakh pochitaniia Akhilla v skifskoj srede// *Bosporskie issledovaniia*. Issue XLI. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'-Simferopol, 2020, pp. 16–62.
- Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij: Chast' 1. Proishozhdenie i vremja obrashhenija monet-strelok. *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedeniya i medievistiki*. 2020a. Issue XII, 2. Ed. I. Ju. Shaub, pp. 96–148.
- Lazarenko V.G. Simvolicheskie izobrazhenija na torevtike i gliptike antichnogo Severnogo Prichernomor'ja, svyazyvaemye s obrazom Ahilla. *Bosporskie issledovaniya*. 2021. Issue XLII. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'–Simferopol', pp. 3–41.
- Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 2. Sushhestvujut li jepigraficheskie dokazatel'stva obrashhenija monet-strelok v grecheskoj srede i dejstvitel'no li jeto «monety-strelki»? *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedeniya i medievistiki*. 2021a. Issue XIII, 1. Ed. I. Ju. Shaub, pp. 20–66.
- Lazarenko V.G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 3. Kul'tovoe prednaznachenie monet-strelok. Razdel 1. O mnimom celitel'stve Apollona-luchnika i ego strel. *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedeniya i medievistiki*. 2021b. Issue XIII, 4. Ed. I. Ju. Shaub, pp. 116–141.
- Lazarenko V.G. Genesis i osobennosti kul'ta Ahilla v Zapadnom Krymu. *Bosporskie issledovaniya*. 2022. Issue XLIV. Ed. V.N. Zin'ko. Kerch'–Simferopol', pp. 86–139.
- Lazarenko V.G. Harakter kul'ta Ahilla na Bospore. *XXIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij*

- i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Sakral'noe i material'noe. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Simferopol'-Kerch'*, 2022a, pp. 203–212.
- Lazarenko V.G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij. Chast' 3. Kul'tovoe prednaznachenie monet-strelok. Razdel 2. Kakova priroda Apollona Vracha i k kakomu kul'tu nadlezhit otnesti monety-strelki (monety-kop'ja). *Novyj Germes. Vestnik klassicheskoj arheologii, antikovedenija i medievistiki*. 2022b. Issue XIV, 1. Ed. I. Ju. Shaub. Pp. 20–72.
- Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901, 1776 p.
- Lysenko A.V. Peshhernye nekropoli Gornogo Kryma jepohi rannego zheleza – pozdneantichnogo vremeni (IX v. do n.je. – IV v. n.je.). *Vita antiqua*. 2003, no. 5–6, pp. 85–107.
- Lysenko A.V., Mordvinceva V.I. Metallicheskie ukrashenija kostjuma – votivy svjatilishha rimskogo vremeni Jeklizi-Burun (k kul'turnoj atribucii pamjatnika). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2019, no. 4, pp. 240–296.
- Makovskii M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoj simvoliki v indoevropeskikh jazykakh: Obraz mira i mir obrazov. Moscow, Vladost Publ., 1996, pp. 416.
- Makovskii M.M. Semiotika jazycheskikh kul'tov. In: Makovskii M.M. *Jazyk kak fenomen*. Moscow, Lenand Publ., 2014, pp. 124–168.
- Maksimova M.I. *Artiukhovskij kurgan*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1979, 152 p., ill.
- Meliukova A.I. *Krasnokutskij kurgan*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 112.
- Men'shikov M.Ju., Gorbol' N.Ju., Rukavishnikova I.V. Kurgan № 3 Kurgannogo mogil'nik Lugovoe zapadnoe 1; kurgan «Sultanovka» i Kurgan 1 Kurgannoj grupy iz 3-h kurganov Ivanovka (Respublika Krym, Leninskij rajon). *Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij*. Tom 25. Moscow, Institut arheologii RAN, 2018, pp. 198–203.
- Namojlik A.S. *Graffiti na keramicheskikh izdelijah iz Nimfeja kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha)*. Diss. ... kand. ist. nauk. T. 1. SPb., 2018, 311 p.
- Novichenkova N.G. Gornyj Krym II v. do n. je. – II v. n. je. *Po materialam raskopok svjatilishha u perevala Gurzufskoe Sedlo*. Simferopol', 2015. 216 p.
- Ohotnikov S.B., Ostroverhov A.S. *Svjatilishhe Ahilla na ostrove Levke (Zmeinom)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 140 p.
- Ostroverhov A.S., Ohotnikov S.B. O nekotoryh motivah skifskogo zverinogo stilja na pamjatnikah iz sobranija Odesskogo arheologicheskogo muzeja. *Vestnik drevnej istorii*. 1989, no. 2, pp. 50–67.
- Otroshhenko V.V. Sjuzhet dvoboju u znakovij sistemi zrubnoj spil'notim. *Problemy istorii i arheologii Ukrainy: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Har'kov, 2004, pp. 17–18.
- Paromov Ja.M., Gej A.N. Pamjatniki jepohi kamnja i bronzy na Tamanskom poluostrove (kratkij obzor). *Drevnosti Bospora*. 2005. Issue. 8. Ed. A.A. Maslennikov, pp. 320–339.
- Petrenko V.G. *Ukrasheniia Skifii VII-III vv. do n.e.* Moscow, Nauka Publ, 1978, 145 s., tabl.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. *Scythian art*. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986, pp. 184.
- Repnikov N. I. Kamennye jashhiki Bajdarskoj doliny. *Izvestija Imperatorskoj arheologicheskoi komissii*. St. Petersburg, 1909, issue 30, pp. 127–155.
- Rusjaeva A.S. Kul'tovi predmeti iz poseleeniia Beikush poblizu o-va Berezan'. *Arkheologiiā*, 1971, no. 2, pp. 22–29.

- Rusjaeva A.S. *Religija pontijskih jellinov v antichnuju jepohu: Mify. Svjatilishha. Kul'ty olimpijskih bogov i geroev*. Kiev, Stilos Publ., 2005, 559 p.
- Saprykin S.Ju. Neskol'ko neizdannyh gorgippijskih graffiti. *Bosporskij fenomen: Pogrebal'nye pamjatniki i svjatilishha: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. 2002, part. 1, pp. 284–291.
- Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. *Graffiti i dipinti hory antichnogo Bospora*. Bosporskie issledovanija. Supplementum I. Simferopol-Kerch', 2007, 319 p., tabl.
- Sviridov A.N., Jazikov S.V., Toporivskaja M.A., Frolov V.V. Poselenie Gorodishhe 11 km (Respublika Krym, Leninskij rajon). *Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij*. Tom 25. Moscow, Institut arheologii RAN, 2018, pp. 324–333.
- Senatorov S.N. Bronzovye nakonechniki strel iz Nimfeja. I: Po materialam raskopok 1939–1941 gg. *Bosporskij fenomen: kolonizacija regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva*. 2001, pp. 111.
- Shaub I.Ju. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. je.). St. Petersburg, 2007, 484 p.
- Shaub I.Ju. Monstry v kul'ture skifov. *Novoe proshloe*. 2017, no. 4, pp. 24–47.
- Shaub I.Ju. Morskie monstry v zagrobnykh predstavleniiaĭkh bosporiān i skifov. *Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty*. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 131–137.
- Shul'ga P.I., Koltuhov S.G., Rukavishnikova I.V., Ermolin S.A., Vybornov A.V. Pogrebal'nye komplekсы v Predgornom Krymu. *Goroda, selishha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovanij*. Tom 25. Moscow, Institut arheologii RAN, 2018, pp. 422 – 435.
- Skand. – *Skandinavskaja mifologija: Enciklopedija*. Moscow, Jeksmo Publ.; St. Petersburg, Midgard Publ., 2004, 592 p.
- Sudarev N.I., Solov'ev S.L., Sharov O.V. Naselenie severo-zapadnoj chasti Tamanskogo poluostrova nakanune i v period grecheskoj kolonizacii. *XXX «Krupnovskie chtenija» po arheologii Severnogo Kavkaza. Kavkaz v sisteme kul'turnyh svjazej Evrazii v Drevnosti i Srednevekov'e*. Karachaevsk, pp. 263–266.
- Tel'nov N., Sinika V. Tel'nov N., Sinika V. Frakijskie vliyanija na material'nyu kul'turu i pogrebal'nyj obryad skifov III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. *Revista Arheologică*. Serie nouă. 2012, vol. VIII, nr. 1–2, pp. 69 – 83.
- Tereshhenko A. E., Shaub I. Ju. Osobennosti tipologii pantikapejskoj chekank. *Bosporskij fenomen: Obshhee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira*. Part I. 2018, pp. 139–145.
- Tereshhenko A. E., Shaub I. Ju. O semantike obraza murav'ja na monetah Pantikapeja. *Novyj Germes. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoi filologii*. Issue X. Ed. A.B. Egorov. 2018a, pp. 146–160.
- Tolstoj I.I. *Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ja*. Moscow; Leningrad, 1953, 154 p.
- Toporov V.N. «Mirovoe derevo». Opyt semioticheskoj interpretatsii. In: *Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы*. Vol. 1. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnej Rusi Publ., 2010, pp. 210 – 262.
- Toshhev G. N. *Krym v jepohu bronzy*. Zaporozh'e: Zaporozhskij nacional'nyj universitet, 2007, 304 p., il.
- Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
- Vinokurov N.I. Nahodki kul'tovyh predmetov v sloe pozhara pervoj poloviny I v. n.je.

- v bosporskoj kreposti Artezian. *Bosporskij fenomen: Sakral'nyj smysl regiona, pamjatnikov, nahodok*. 2007. Issue 1, pp. 190 – 199.
- Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., ZHukovskii M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boiūr-Gora (Buerova mogila) – usypal'nitsā elity stolitśy Aziatskogo Bospora. *Zuev V.IU., Xrshanovskii V.A. (Eds.). Ėlita Bospora i Bosporskaia elitarnaiā kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola*. 2016, pp. 147 – 164.
- Zubarev V.G. Dve mogily s «zaplechikami» iz nekropolja gorodishha «Belinskoe» v Vostochnom Krymu. *Drevnosti Bospora*. 2013, issue 17. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 158–175.
- Zubarev V.G., Krajneva A.A. Lepnaja keramika s gorodishha u sela Belinskoe (Obshhaja karakteristika). *Drevnosti Bospora*. 2005, issue 8. Ed. A.A. Maslennikov. Pp. 195–221.
- Zubarev V.G., Jarcev S.V., Smekalov S.L. «Varvarskij» komponent v material'noj kul'ture sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora vo II – V vv. n. je. (na primere gorodishha Belinskoe) // *Bosporskie issledovanija*. 2014. Issue XXXVIII. Ed. V.N. Zin'ko. Pp. 179–189.

Резюме

Истоком культа Ахилла на Боспоре явился культ змей. Свидетельства этого имеют место начиная с археологических памятников катакомбного времени. Именно тогда стала распадаться индоевропейская общность в Северном Причерноморье. В представлениях ранних индоевропейцев Аhi-Змей был Верховным богом и Первопредком. Культ Ахилла на Боспоре зафиксирован с конца VI в. до н.э. до III в. н.э. Здесь данный культ имел достаточно скрытый характер и определенную табуированность имени и образа Ахилла-бога. Он представлялся не только змеем, но также муравьем или гиппокампом. Эпитет Ахилла, зафиксированный в Эпире Ἄσπετος, означает «несказанный, невыразимый, несказанно великий, невыразимо большой, бесконечный, бесчисленный». Такие эпитеты присущи только верховным богам. Это подтверждает истинный масштаб почитания Ахилла на Боспоре, как и на всем Северном Причерноморье. Видимо, поэтому перед ним преклонялась не только скифская знать, но и, возможно, некоторые цари Боспора.

Ключевые слова: культ Ахилла, культ змей, Боспор, индоевропейская общность, Северное Причерноморье.

Summary

The origin of the cult of Achilles on the Bosphorus was the cult of snakes. Evidence of this has taken place since the archaeological sites of the catacomb time. It was then that the Indo-European community in the Northern Black Sea region began to disintegrate. In the ideas of the early Indo-Europeans, the Ahi-Snake was the Supreme god and the First Ancestor. The cult of Achilles on the Bosphorus was recorded from the end of the VI century BC to the III century AD. Here this cult had a rather hidden character and a certain taboo of the name and image of Achilles-god. He presented himself not only as a snake, but also as an ant or a hippocampus. The epithet of Achilles, recorded in Epirus Ἄσπετος, means «ineffable,

inexpressible, inexpressibly great, inexpressibly great, infinite, innumerable.» Such epithets are inherent only to the supreme gods. This confirms the true scale of the veneration of Achilles on the Bosphorus, as well as on the entire Northern Black Sea region. Apparently, therefore, not only the Scythian nobility worshipped him, but also, perhaps, some kings of the Bosphorus.

Key words: cult of Achilles, cult of snakes, Bosphorus, Indo-European community, Northern Black Sea region.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования (ФБГОУ ВО)

«Ижевский государственный

технический университет

имени М.Т. Калашникова».

426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.

lazvgr@yandex.ru.

+7 (912)-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor.

Federal state-financed educational institution of higher education "Izhevsk' state technical University named after M. T. Kalashnikov".

426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.

lazvgr@yandex.ru.

+ 7 (912)-853-0667.